

Научная статья

УДК 316.642

<https://doi.org/10.21702/8zgkdr31>

Межрегиональные различия в конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов России

Влада И. Пищик^{1*}, Маргарита И. Постникова², Есения А. Черкасова¹

¹ Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ),
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
(ФГАОУ ВО САФУ), Архангельск, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: vladaph@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном мире одним из трендов общественного сознания является вера в теории заговоров, которая является социальным риском, способным нанести ущерб общественной стабильности. Конспиративистская ментальность – склад ума адепта заговора, направленный на предмет заговора, которому атрибутируют особые негативные последствия для личной или общественной безопасности. Исследования конспиративистской ментальности малочисленны и ранее не рассматривали межрегиональный аспект. Цель исследования – сравнение особенностей конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов России. **Методы.** Выборка – 768 человек, девушек из них 55%; возраст респондентов 19–35 лет ($M = 31$). Применялись следующие методики: «Методика измерения типа ментальности» (МИТМ, В. И. Пищик, 2019), «Методика измерения ценностей через страхи» (В. И. Пищик, 2022), «Шкала тревожности» (Дж. Тейлор), «Методику измерения веры в заговор» (С. Ш. Муталимова, В. И. Пищик, 2014, дополненная В. И. Пищик, 2019), «Методика измерения конспиративистской ментальности» (В. И. Пищик, 2023). Статистические методы: описательные статистики, критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ, регрессионный анализ. **Результаты.** Выявлено, что конспиративизм в большей степени представлен у респондентов мужского пола, преимущественно в Северном регионе. Тип

ментальности «устойчивый к вере в заговоры» получил наибольшее количество отрицательных связей по всем видам веры заговоры. Обнаружены различия по вере в клонов, в информационный заговор, связанный с вакцинацией, с преобладанием в Южном регионе. Различия по вере в фармацевтический заговор, уровню тревоги, ценностям; выраженности типа «готовый» конспиративистской ментальности обнаружены в Северном регионе. Конструкт конспиративистской ментальности определяется двухфакторной структурой. **Обсуждение результатов.** Пол, возраст и тревожность являются устойчивыми факторами, обуславливающими конспиративистскую ментальность студентов. При этом нашел свое подтверждение также и региональный фактор. Результаты могут выступать отправным пунктом для построения программ по воспитательной работе со студентами.

Ключевые слова

вера в заговор, конспиративистская ментальность, тревожность, страхи, ценности, регион, поколения

Финансирование

Исследование было выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z».

Для цитирования

Пищик, В. И., Постникова, М. И., Черкасова Е. А. (2025). Особенности конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов. *Российский психологический журнал*, 22(2), 134–150. <https://doi.org/10.21702/8zgkdr31>

Введение

Международные исследования веры в теории заговора и культура конспирации за последнее десятилетие пережили взрывной рост (Egorova et al, 2020; Butter & Knight, 2020; Нестик, Журавлев, 2020; Казун, Поршневу, 2021; Казун, 2022; Douglas & Sutton, 2023). На протяжении всей истории вера в заговоры была тесно связана с предрассудками, охотой на ведьм, революциями, геноцидом, пандемией. Сегодня конспиративизм выступает международным трендом, носителем большого числа рисков (Нестик, Журавлев, 2020). Коллективная монография представляет широкий спектр проблем, связанных с верой в теории заговоров (история, семиотика заговоров; космология; психоанализ и теории заговоров; антропология, социология и социальная психология веры в теории заговоров; личностные особенности, мотивация, социальные когниции конспиративизма)

(Butter & Knight, 2020). Обнаруживаются факторы (возраст, уровень образования, влияние телевизионных передач, женский пол) склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине (Казун, Поршневу, 2021). А.Д. Казун (2022) поставила вопросы проблематичности изучения конспиративизма. Некоторая онтология теорий заговоров и веры в них представлена в работе (Douglas & Sutton, 2023), отмечается, что теории заговора конструируют не только версию событий, но и версию социальных групп, в том числе между преступниками и их жертвами, просвещенными и невежественными.

Установлено, что многие исполнители террористических актов были ярыми сторонниками теорий заговора (Kruglanski et al., 2022). Теории заговора заставляют людей отказаться от традиционной медицины до такой степени, что некогда излеченные болезни теперь возвращаются в некоторых частях мира. Кроме того, теории заговора побуждают людей отвергать научные консенсусы, в первую очередь консенсус в отношении антропогенного изменения климата (Douglas et al., 2019; Нестик и др., 2021). Становится все более очевидным, что вера в теории заговора сегодня становится частью нормальной человеческой психологии и основывается на человеческих способностях (Brotherton, 2015; Нестик, Дейнека, 2020; Жолдасов, Пищик, 2022, Пищик, 2023). При этом вера в заговоры может быть частью экстремистского воздействия на молодежь, которая является наиболее уязвимой частью населения (Любцова, 2020; Oettingen et al., 2022).

В акте веры мы имеем дело с двусмысленностью несомненного, когда речь идет о безосновательной уверенности, подчеркивал Ж. Лакан (1972). Вера основана на нехватке веры. То есть, веры уже нет, и мы ее пытаемся продуцировать. Фактически это подтверждает, что веру в заговоры мы каждый раз конструируем вновь. Вера в теорию заговора – это конструкт, объединяющий убеждения человека в наличии угрожающего действия, исходящего от лица или группы лиц, имеющих цель – дестабилизировать ситуацию в обществе. Заговоры обычно направлены на узурпацию политической или экономической власти, нарушение прав, нарушение установленных соглашений, утаивание жизненно важных секретов или изменение основополагающих институтов. Исследователи выделили особую конспиративистскую ментальность (КМ), выражающуюся в том, что люди отличаются своей общей склонностью поддерживать теории заговора (Swami et al., 2016; Lazarević et al., 2021; Imhoff et al., 2022). КМ – обширное понятие, предполагающее наличие у определенного сообщества совокупности верований в теории заговоров, поддерживающих их ценностно-смысловое единство.

Сегодня, основываясь на исследованиях, упомянутых выше, можно представить предикторы, которые обуславливают КМ, конспиративистские убеждения, веру в заговоры. К ним относят: тревожность, формальные показатели (пол, возраст, образование, культурная принадлежность), особенности работы памяти, ситуация, время, социальные отношения, индивидуальные и личностные особенности, общая предрасположенность к идеям заговора, стиль мышления, особенности

формирования заблуждений, убеждений, степень религиозности, политические предпочтения, уровень тревожности и др. более частные по своему содержанию. К сожалению, немалое количество предикторов не находят своего подтверждения в повторных исследованиях. Исследования эти проведены преимущественно на выборках других стран.

Многие выводы, которые делают ученые, остаются двусмысленными и ограниченными, при этом недостаточно исследований на российских выборках. В силу данных обстоятельств целью нашего исследования стало сравнение особенностей КМ студентов Южного и Северного регионов России. Тем более, что уже установлено, что в различных регионах ценностные ориентации молодежи различны (Атаманова и др., 2021). Предметом исследования, таким образом, является связь особенностей КМ, веры в заговоры и пола, возраста, ценностей, страхов, тревожности студентов двух регионов.

Методы

Для выявления типов ментальности, среди которых выделяются традиционный, переходный, инновационный, постинновационный, применялась «Методика измерения типа ментальности» (МИТМ, В. И. Пищик, 2019). Эта методика позволила установить, какие архетипы, образ мира, образ жизни, стиль мышления, отношения и взаимодействия определяют жизнь поколений Y и Z. «Методика измерения ценностей через страхи» (В. И. Пищик, 2022) выявляет ведущие ценности поколений: ценность «Я», «Другие», «Природа», «Технологии», «Мистическое», «Культура». Поскольку остается под вопросом степень влияния уровня тревожности на веру в заговоры, мы применили методику «Шкала тревожности» Дж. Тейлора (адаптация В. Г. Норакидзе, 1975). Она позволила определить уровень тревожности в группах поколений и ее тесноту взаимосвязи с верой в заговоры. Отвечая на вопрос, какие виды веры в заговоры распространены среди групп поколений, мы применили «Методику измерения веры в заговор» (С.Ш. Муталимова, В. И. Пищик, 2014, дополненная В. И. Пищик, 2019); методика включает шкалы видов заговоров – вера в общественный заговор, политический, государственный, вера в тайную деятельность, вера в тайные организации, фармацевтический заговор, вера во вредность вакцинирования, продуктовый заговор, вера в клонов, вера в пришельцев, вера в глобальность, вера в конец света, вера в информационный заговор. Также мы применили новую «Методику измерения конспиративистской ментальности» (В. И. Пищик, 2023), позволяющую определить выраженность видов КМ: готовый к вере в заговоры; устойчивый к вере в заговоры; ищущий причины заговоров; результативный вид, озадаченный последствиями веры в заговоры на жизнь.

Статистическая обработка данных производилась пакетом статистических программ R 4.2.0. свободного доступа. Первоначально были проанализированы описательные статистики и определена нормальность распределения признаков

с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Для доказательства значимости различий проводился расчет критерия Манна-Уитни. Применялись для определения тесноты связи между показателями корреляционный анализ, дисперсионный однофакторный анализ позволял определить взаимосвязь показателей возраст, пол, регион и измеряемых переменных. Использовался регрессионный анализ.

Выборку составили 768 чел., разделенные по регионам:

- г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., г. Краснодар, Краснодарская обл. (Южный Федеральный Округ),
- г. Архангельск, Архангельская обл. (Северо-Западный Федеральный Округ).

Мужчины составили 45% от общей выборки и женщины 55% соответственно. Группу респондентов составили студенты в возрасте 19–24 лет поколения Z; 25–35 лет – поколение Y.

Мы выдвинули ряд предположений:

- H1 – студенты женского пола будут более склонны к готовому типу КМ;
- H2 – возраст (поколение) студентов взаимосвязан с выраженностью КМ;
- H3 – у студентов Южного ФО будет более выражена готовность верить в заговоры;
- H4 – можно обнаружить тесную взаимосвязь между тревожностью, КМ, верой в заговоры, ценностями, возрастом респондентов;
- H5 – можно обнаружить предикторы КМ студентов двух регионов.

Результаты

На начальном этапе статистического анализа была проведена проверка нормальности распределения признаков. Посредством расчета критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лилефорса установлено, что по всем диагностированным показателям распределение признака значительно отличается от нормального, что обусловило выбор непараметрических критериев для статистической обработки собранных данных (критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ по Спирмену).

Результаты свидетельствуют о том, что в целом по выборке преобладают вера в политический заговор ($M = 8,0753 \pm 2,53144$), вера в общественный заговор ($M = 7,8433 \pm 2,43627$), вера в фармацевтический заговор ($M = 7,0154 \pm 2,88227$) и вера в продуктовый заговор ($M = 7,0061 \pm 2,70156$). На среднем уровне у участников исследования находятся вера в государственный заговор ($M = 6,3548 \pm 2,58249$), вера в тайную деятельность ($M = 6,1551 \pm 2,46743$), вера в тайные организации ($M = 6,2304 \pm 2,84022$), вера в глобальность ($M = 5,4731 \pm 2,84802$), вера в информационный заговор ($M = 5,6175 \pm 2,49854$), вера в заговор, связанный с вакцинацией ($M = 5,3533 \pm 3,18427$). На низком уровне значимости располагаются вера в клонов ($M = 2,9647 \pm 2,64755$), вера в пришельцев ($M = 2,7896 \pm 2,43442$),

вера в конец света ($M = 3,7481 \pm 2,83187$). Относительно типа КМ в профиле выборки доминирует тип КМ «устойчивый» ($M = 3,2504 \pm 0,89631$), далее по нисходящей представлены тип КМ «ищущий» ($M = 3,1321 \pm 0,99587$), «готовый» ($M = 3,0753 \pm 0,95861$) и «результативный», представленный самыми низкими значениями ($M = 2,5422 \pm 1,04041$). В ценностном профиле доминирует «ценность я» ($M = 15,3917 \pm 2,83036$), далее в порядке снижения значения диагностированы «ценность природы» ($M = 11,3518 \pm 1,99324$), «ценность мистического» ($M = 11,1613 \pm 1,87947$), «ценность культуры» ($M = 11,1260 \pm 2,00985$) и завершают профиль «ценность других» ($M = 10,86 \pm 1,67177$), «ценность технологий» ($M = 10,4962 \pm 1,70553$). В профиле типа ментальности в выборке доминирует инновационная ментальность ($M = 11,7834 \pm 3,01087$), слабо выражены традиционная ментальность ($M = 6,6283 \pm 3,18169$), переходная ментальность ($M = 5,9263 \pm 2,55176$) и постинновационная ментальность ($M = 5,6621 \pm 2,20058$).

В группах мужчин и женщин (возраст $M=22$) по-разному проявляется вера в политический заговор ($p \leq 0,05$), вера в пришельцев ($p \leq 0,01$), уровень тревоги ($p \leq 0,01$), КМ по типу «устойчивый» ($p \leq 0,05$), по типу «готовый» ($p \leq 0,01$), по типу «результативный» ($p \leq 0,05$), ценность я ($p \leq 0,01$), ценность технология ($p \leq 0,01$), ценность мистического ($p \leq 0,01$), ценность культуры ($p \leq 0,01$), инновационная ментальность ($p \leq 0,01$), постинновационная ментальность ($p \leq 0,01$) (Таблица 1).

Таблица 1

Статистический анализ значимости различий в разнополых группах

Показатель	Группы	Среднее значение по группам ($\bar{x} \pm \sigma$)	U-критерий Манна-Уитни, значимость
Вера в политический заговор	Мужчины	7,5038 $\pm$ 2,99583	U=30057,500; p=0,035
	Женщины	8,2192 $\pm$ 2,38210	
Вера в пришельцев	Мужчины	3,4351 $\pm$ 2,78485	U=28713,000; p=0,003
	Женщины	2,6269 $\pm$ 2,31258	
Уровень тревоги	Мужчины	14,3511 $\pm$ 6,42658	U=24644,500; p=0,000
	Женщины	18,9558 $\pm$ 9,73483	
Тип КМ «устойчивый»	Мужчины	3,0916 $\pm$ 0,97231	U=29702,000; p=0,017
	Женщины	3,2904 $\pm$ 0,87257	
Тип КМ «готовый»	Мужчины	3,2977 $\pm$ 0,99765	U=28694,500; p=0,003
	Женщины	3,0192 $\pm$ 0,94125	
Тип КМ «результативный»	Мужчины	2,3511 $\pm$ 0,96016	U=30201,500; p=0,037
	Женщины	2,5904 $\pm$ 1,05508	
Ценность я	Мужчины	14,3969 $\pm$ 3,49214	U=27597,500; p=0,000
	Женщины	15,6423 $\pm$ 2,58179	

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Показатель	Группы	Среднее значение по группам ($\bar{x} \pm \sigma$)	U-критерий Манна-Уитни, значимость
Ценность технология	Мужчины	10,0305±2,01891	U=27277,000; p=0,000
	Женщины	10,6135±1,59799	
Ценность мистического	Мужчины	10,6641±2,16123	U=28547,500; p=0,004
	Женщины	11,25865±1,7821	
Ценность культуры	Мужчины	10,4809±2,12802	U=26866,000; p=0,000
	Женщины	11,2885±1,94764	
Инновационная ментальность	Мужчины	10,9466±3,29408	U=27282,000; p=0,000
	Женщины	11,9942±2,90073	
Постинновационная ментальность	Мужчины	6,2214±2,34780	U=28082,500; p=0,002
	Женщины	5,5212±2,14133	

Примечание. Принятое сокращение: КМ - конспиративистская ментальность

В таблице 1 представлены следующие различия. Женщины более склонны верить в политический заговор, чем мужчины, вера в пришельцев статистически выше в мужской выборке. По остальным показателям приверженности разным теориям заговора в группах мужчин и женщин различий не установлено. Уровень тревоги статистически значимо выше в женской группе. Готовый тип КМ больше представлен у мужчин, чем у женщин. У женщин в большей степени представлены устойчивый и результативный типы КМ. У женщин статистически значимо выше показатели ценностей. У женщин выше уровень инновационной ментальности, а у мужчин выше уровень постинновационной ментальности. Следовательно, гипотеза H1 отклоняется.

Далее необходимо было определить выраженность КМ у поколений Y и Z. В таблице 2 представлены значимые корреляции, связанные с возрастом респондентов.

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи показателей в группах поколений

Показатели	Корреляционная связь с переменной «возраст респондентов»	Значимость связей
Вера в политический заговор	0,172**	0,000
Вера в фармацевтический заговор	0,231**	0,000

Показатели	Корреляционная связь с переменной «возраст респондентов»	Значимость связей
Вера в клонов	-0,163**	0,000
Вера в пришельцев	-0,147**	0,000
Вера в глобальность	-0,207**	0,000
Вера в конец света	-0,187**	0,000
Уровень тревоги	-0,100*	0,010
Устойчивый	0,080*	0,043
Ценность я	0,250**	0,000
Ценность других	0,077*	0,049
Ценность природы	0,103**	0,009
Ценность технология	0,143**	0,000
Ценность мистического	0,115**	0,003
Ценность культуры	0,198**	0,000
Инновационная ментальность	0,080*	0,040
Постинновационная ментальность	-0,104**	0,008

Примечание. ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Получается, что чем старше поколение (Y), тем оно больше верит в политический ($p \leq 0,01$) и фармацевтический ($p \leq 0,01$) заговоры, чем моложе поколение (Z), тем оно больше верит в клонов ($p \leq 0,01$), пришельцев ($p \leq 0,01$), в глобальность ($p \leq 0,01$) и в конец света ($p \leq 0,01$). Уровень тревоги с возрастом снижается ($p \leq 0,05$). Устойчивый тип КМ характерен для более старшего возраста ($p \leq 0,05$). Уровень ценностей с возрастом повышается ($p \leq 0,01$). Возраст положительно связан с инновационной ментальностью ($p \leq 0,05$) и отрицательно связан с постинновационной ментальностью ($p \leq 0,01$). Следовательно, в некоторой степени можно утверждать, что поколение Y более устойчиво к КМ. Гипотеза H2 отклоняется.

Кросс-секционное исследование среди различных поколений, проживающих в разных регионах России, было проведено для верификации предложенной теоретической модели. Расчет критерия Манна-Уитни проводился на группах, разделенных по региону: Ростов-на-Дону (Южный регион); Архангельск (Северо-западный регион). Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Значимость различий по показателям между регионами

Показатели	Критерий различий Манна-Уитни (U)	Достоверность (p)
	Преобладание в Южном регионе	
Вера в клонов	44356,5	0,006
Вера в информационный заговор	43198,5	0,015
Вера в заговор связанный с вакцинацией	44262,5	0,05
Вера в фармацевтический заговор	Преобладание в Северном регионе	
Уровень тревоги	40970,0	0,001
Ценность Я	39518,0	0,001
Угроза от других	41334,5	0,001
Нехватка информации	46966,5	0,002
Вера в темные силы	46599,5	0,00
Страх утраты традиции	48159,5	0,002
Готовый тип	46250,5	0,00
	41551,5	0,001

Обнаружились различия по вере в клонов, вере в информационный заговор, в заговор связанный с вакцинацией, преобладали у поколения Южного региона. Установлены различия по вере в фармацевтический заговор), уровню тревоги, выраженности ценности Я, ценности Других (Угроза от других), ценности Технология (нехватка информации), ценности Мистического (вера в темные силы), ценности Культуры (страх утраты традиции), выраженности типа КМ Готовый, преобладали поколения Северо-Западного региона. Гипотеза Н3 отклоняется.

Результаты корреляционного анализа между типами КМ и диагностируемыми показателями представлены в таблице 4.

Таблица 4

Корреляционные взаимосвязи типов КМ, тревожности и ценностей через страхи

Показатели	Устойчивый	Ищущий	Готовый	Результативный
Вера в государственный заговор	-	-	-	0,109**
Вера в тайные организации	-0,108**	-0,085*	0,085*	-
Вера в фармацевтический заговор	-0,098**	-	-	-
Вера в клонов	-0,084*	-	-	-
Вера в пришельцев	-0,133**	-	0,121**	-
Вера в глобальность	-0,172**	-0,115**	0,171**	0,100*
Вера в конец света	-0,158**	-0,086*	0,145**	0,097*
Вера в информационный заговор	-0,111**	-	-	-
Уровень тревоги	-0,213**	-0,438**	0,151**	0,457**
Ценность других	-	-	0,088*	-
Ценность природы	-	-	-	-0,120**
Традиционная ментальность	-	0,138**	-0,078*	-0,095*
Инновационная ментальность	0,126**	-	-0,079*	-0,116**
Переходная ментальность	-0,125**	-0,121**	0,109**	0,128**
Постинновационная ментальность	-0,108**	-0,144**	0,108**	0,131**

Примечание. ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Применение методики открыло степень выраженности следующих видов веры в заговоры у «готового» типа КМ: вера в тайные организации ($p \leq 0,05$), пришельцев ($p \leq 0,01$), вера в глобальность ($p \leq 0,01$), вера в конец света ($p \leq 0,01$). Ценность других, которая взаимосвязана с «готовым» типом КМ, показывает отстраненность человека от всего нового, затрудняет выбор в своей жизни и ориентацию на других. «Готовый» тип КМ отрицательно связан с традиционной ($p \leq 0,05$) и инновационной ($p \leq 0,05$) ментальностью, и положительно связан с переходной ($p \leq 0,01$) и постинновационной ($p \leq 0,01$) ментальностью. «Результативный» тип КМ положительно связан с верой в государственный заговор ($p \leq 0,01$), в глобальность ($p \leq 0,05$) и конец света ($p \leq 0,05$), отрицательно связан с ценностью природы ($p \leq 0,01$). «Результативный» тип КМ отрицательно связан с традиционной ($p \leq 0,05$) и инновационной ($p \leq 0,01$) ментальностью, и положительно связан с переходной ($p \leq 0,01$) и постинновационной ($p \leq 0,01$) ментальностью. Установлено, что чем выше уровень тревоги, тем выше показатели «готового» ($p \leq 0,01$) и «результативного» ($p \leq 0,01$) типов КМ. «Результативный» тип КМ связан с тревогой в большей степени. «Устойчивый» тип КМ получил наибольшее количество отрицательных связей с видами веры в заговоры: вера в тайные организации ($p \leq 0,01$), фармацевтический заговор ($p \leq 0,01$), в клонов ($p \leq 0,05$), пришельцев ($p \leq 0,01$), глобальность ($p \leq 0,01$), конец света ($p \leq 0,01$), информационный заговор ($p \leq 0,01$). «Устойчивый» тип КМ положительно связан с инновационной ментальностью ($p \leq 0,01$) и отрицательно с переходной ($p \leq 0,01$) и постинновационной ($p \leq 0,01$). Тип КМ «ищущий» связан отрицательно с верой в тайные организации ($p \leq 0,05$), в глобальность ($p \leq 0,01$) и конец света ($p \leq 0,05$). Тип КМ «ищущий» положительно связан с традиционной ментальностью и отрицательно с переходной и постинновационной ментальностью. «Устойчивый» ($p \leq 0,01$) и «ищущий» ($p \leq 0,01$) типы КМ отрицательно связаны с уровнем тревоги.

Проведя регрессионный анализ в выборке студентов, мы получили следующие результаты, представленные в таблицах 5–6.

В таблице 5 отражены предикторы для моделей типов КМ студентов ЮФО.

В модели типов КМ для студентов ЮФО характерно наличие следующих зависимостей: тип КМ «устойчивый» зависит от таких факторов, как вера в глобальность и уровень тревоги; тип КМ «ищущий» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы; тип КМ «готовый» зависит от таких факторов, как вера в тайные организации, вера в конец света, вера в заговор, связанный с вакцинацией; тип КМ «результативный» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы.

В таблице 6 отражены предикторы для моделей типов КМ студентов СЗФО.

Таблица 5

Данные для моделей типов КМ (студенты ЮФО)

Тип КМ	R	R ²	Знач. изме- нение F	Предикторы	Значимость коэффициентов
Устой- чивый	0,392	0,154	0,000	Вера в тайные организации	0,016
				Вера в конец света	0,000
				Вера в общественный заговор	0,010
Ищущий	0,616	0,379	0,000	Вера в государственный заговор	0,013
				Уровень тревоги	0,000
				Ценность природы	0,032
Готовый	0,371	0,138	0,000	Вера в тайные организации	0,004
				Вера в конец света	0,001
				Вера в заговор, связанный с вакцинацией	0,022
Результативный	0,560	0,313	0,000	Вера в общественный заговор	0,037
				Вера в государственный заговор	0,008
				Вера в пришельце	0,019
				Уровень тревоги	0,000

Таблица 6

Данные для моделей типов КМ (студенты СЗФО)

Тип КМ	R	R ²	Знач. изменение F	Предикторы	Значимость коэффициентов
Устой- чивый	0,290	0,084	0,000	Уровень тревоги	0,000
Ищущий	0,500	0,250	0,000	Уровень тревоги	0,000
				Ценность мистического	0,012
Готовый	0,321	0,103	0,002	Вера в клонов	0,033
				Вера в глобальность	0,045
				Уровень тревоги	0,028
Результативный	0,539	0,290	0,000	Уровень тревоги	0,000
				Ценность мистического	0,024

В модели типов КМ для студентов СЗФО характерно наличие следующих зависимостей: тип КМ «устойчивый» зависит от таких факторов, как вера в глобальность и уровень тревоги; тип КМ «ищущий» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы; тип КМ «готовый» зависит от таких факторов, как вера в тайные организации, вера в конец света, вера в заговор, связанный с вакцинацией; тип КМ «результативный» зависит от таких факторов, как вера в общественный заговор, вера в государственный заговор, уровень тревоги, ценность природы.

Обсуждение результатов

Сравнивая группы мужчин и женщин в нашем исследовании, получилось, что у мужчин в большей степени выражен тип КМ – «готовый». Этот результат несколько расходится с данными Swami, Chamorro-Premuzic & Furnham (2010), которые демонстрируют в большей степени веру в заговоры у женщин. В исследовании (Эйдельман, 2016) показано, что в оценке себя и другого в группе мужчины чаще, чем женщины, придерживаются «безнадежной» позиции. Это тоже может являться объяснением полученного нами результата. Возможно, что ситуация, связанная с СВО и мировыми угрозами, может в некоторой степени объяснить некоторую тревожность мужчин, их повышенную ответственность и неуверенность.

Многие исследования указывают на тревогу (например, ощущение отсутствия контроля, субъективную неуверенность) и стресс как на предпосылки веры в теории заговора (Brotherton, 2015; Swami et al., 2016; Douglas & Sutton, 2023), но эта гипотеза у авторов подтвердилась частично. В нашем исследовании это подтвердилось, тревога вошла в модель КМ по результатам проведения регрессионного анализа. В исследовании Krüppel, Yoon & Mokros (2023) отмечается, что убеждения в заговоре были связаны с более высоким уровнем диспозиционной, но не ситуативной тревожности.

В работе Swami (2010) показано, что чем младше возраст респондентов, тем выше стремление к разоблачению конспиративизма. Наш результат показал, что представители поколения Z верят в отдельные виды веры в заговоры.

Fatfouta et al. (2021) установили, что вера в заговоры определенных внешних групп соответствует коллективной нарциссической позиции межгрупповой враждебности, но коллективный нарциссизм также связан с другими теориями заговора, поскольку он одновременно включает в себя убежденность (что внутренняя группа велика) и угрожающее убеждение (что внутренняя группа не признана). В исследовании (Molenda, Marchlewska & Rogoza, 2023) демонстрируется связь «национального нарциссизма» (т.е. защитной национальной идентичности, которая проистекает из неудовлетворенных потребностей и связана с враждебным внутри- и межгрупповым поведением) и готовности вступать в заговор против собственной группы. Это подтверждается в нашем исследовании тем результатом, что тип ментальности (ментальность взаимосвязана с национальным нарциссизмом) связан с верой в заговоры.

В исследовании Р.М. Шамионова (2019) отмечается, что ценности сохранения и самотрансцендентности определяют формирование дискриминационных установок у молодежи. В нашем исследовании ценность «Я» связана с верой в политический заговор, преимущественно у женщин.

Устойчивый тип КМ имел отрицательную зависимость с верой в информационный заговор, что, на наш взгляд, подтверждает, что они более нечувствительны к искажениям информации. Этот результат можно соотнести с исследованием (Барабанщиков и др., 2018), в котором установлено, что участники исследования оценивают сообщаемую активно идущим на общение собеседником информацию как достоверную.

Региональность практически не рассматривалась как фактор в рассматриваемой проблеме ранее, однако обратившись к исследованию, где был описан «психологический глаз тайфуна» («psychological typhoon eye») (Yang et al., 2023), можно подметить интересную закономерность: когда люди находятся в эпицентре кризисного события (например, землетрясения), то они более адекватны и сообщают о более низком восприятии риска, чем люди, находящиеся на периферии, охваченные большей тревогой, что нашло свое подтверждение в нашем исследовании по распространенности веры в заговоры в северном регионе.

«Готовый» тип КМ имеет различные предикторы в регионах. Однако в него вошли и тревожность, и различные виды веры в заговоры. Т. А. Нестик с соавторами (2020) обнаружили связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самооценкой, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом. Г. Н. Эйдельман (2016) эмпирически доказала, что доминирующая жизненная позиция в большей степени связана с субъективными оценками мира и себя, чем с социально-экономическими параметрами.

Относительно выдвинутых ранее предположений можно заключить, что гипотеза 1 о преобладании веры в теории заговоров у женщин была отклонена. Гипотеза 2 о связи возраста и выраженности конспиративистской ментальности принята. Гипотеза 3 о том, что конспиративистская ментальность преобладает у представителей Южного региона, отклонена. Гипотеза 4 о взаимосвязях между показателями тревожности, КМ, верой в заговоры, ценностями, возрастом респондентов принимается. В работе обнаружены предикторы КМ студентов двух регионов, поэтому гипотеза 5 принимается.

Заключение

Обобщение исследований веры в заговоры и КМ подтвердило, что выделены определенные факторы, обуславливающие актуализацию КМ у молодежи преимущественно зарубежных стран. При этом не все факторы нашли свое эмпирическое подтверждение при повторных исследованиях. Региональный фактор не отмечается в работах, что обусловило проведение сравнительного анализа двух регионов России. Эмпирическое исследование КМ выявило такие особенности, как: наличие гендерных различий в принятии конспиративистских установок с преобладанием у мужчин; тесную связь между возрастом и проявлением веры

в заговоры; с преобладанием веры в теории заговоров, как у старшего, так и у младшего поколений; яркую региональную специфику в преобладании негативных проявлений веры в заговоры у молодых людей Северного региона.

КМ является важной частью мировоззрения современного молодого поколения, которое зависит от субъективного восприятия мира в целом. Представленные данные можно учитывать в работе с молодежью, в выстраивании молодежной политики в вузах: активно просвещая студентов, предлагая им надежные инструменты информационного поиска, развивая у них навыки критического мышления, психологи и преподаватели вузов будут способствовать формированию у студентов более зрелого, трезвого взгляда на жизненные события и их освещение в СМИ.

Литература

- Атаманова, И. В., Перикова, Е. И., Щекотуров, А. В., Богомаз, С. А. (2021). Личностно-средовое взаимодействие: исследование ценностных ориентаций и психологической системы деятельности российской молодежи. *Российский психологический журнал*, 18(3), 32–53. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.3>
- Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В., Хозе, Е. Г., Соломонова, А. В. (2018). Невербальные предикторы оценок достоверности/недостоверности сообщаемой информации. *Экспериментальная психология*, 11(4), 94–106. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110408>
- Жолдасов, Д. С., Пищик, В. И. (2022). Особенности веры в заговоры студентов поколения Y. *Актуальные проблемы науки и техники. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции* (с. 508–509). Донской государственный технический университет.
- Казун, А. Д. (2022). Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы. *Экономическая социология*, 23(2), 91–117. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117>
- Казун, А. Д., Поршнева, А. В. (2021). Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 549–565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>
- Лакан, Ж. (2011). *Семинары. Книга 20*. (1972–1973). Гнозис/Логос.
- Любцова, А. В. (2020). Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения. *Российский психологический журнал*, 17(4), 65–79. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.5>
- Нестик, Т. А., Дейнека, О. С., Максименко, А. А. (2020). Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(4), 87–104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>
- Нестик, Т. А., Селезнева, А. В., Шестопал, Е. Б., Юревич, А. В. (2021). Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России. *Вопросы психологии*, 67(5), 3–14. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48140846> (дата обращения 18.01.2023)
- Пищик, В. И. (2019). *Ментальность поколений в текущей современности (научная монография)*. ИНФРА-М. https://doi.org/10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669
- Пищик, В. И. (2022). Разработка и психометрическая проверка методики измерения ценностей через актуализированные страхи. *Психология человека в образовании*, 4(4), 521–547. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-4-521-547>

- Пищик, В. И. (2023). Первичная психометрическая проверка методики измерения конспиративистской ментальности. *Российский психологический журнал*, 20(1), 218–234. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.14>
- Пищик В. И. (2023). Особенности взаимосвязи тревожности и типов конспиративистской ментальности студентов Южного и Северного регионов. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(2), 28–37. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-28-37>
- Нестик, Т. А., Журавлёв, А. Л. (Ред.). (2020). *Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ*. Издательство «Институт психологии РАН». <https://doi.org/10.38098/soc.2020.88.75.001>
- Шамионов, Р. М. (2019). Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 16(3), 309–326. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>
- Эйдельман, Г. Н. (2016). Особенности жизненной позиции при различных уровнях психологического благополучия у современной молодежи. *Экспериментальная психология*, 9(2), 82–94. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090207>
- Brotherton, R. (2015). *Suspicious minds. Why we believe conspiracy theories*. Macmillan.
- Butter, M., & Knight, P. (Eds.). (2020). *Routledge handbook of conspiracy theories*. Routledge.
- Douglas, K. M., & Sutton, R. M. (2023). What are conspiracy theories? A definitional approach to their correlates, consequences, and communication. *Annual Review of Psychology*, 74(1), 271–298. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-032420-031329>
- Douglas, K. M., Uscinski, J. E., Sutton, R. M., Cichocka, A., Nefes, T., Ang, C. S., & Deravi, F. (2019). Understanding conspiracy theories. *Political Psychology*, 40, 3–35. <https://doi.org/10.1111/pops.12568>
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V., Chertkova, Yu.D., Staroverov, V.M., Mitina, O.V. (2020). COVID-19: Belief in Conspiracy Theories and the Need for Quarantine. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 3–25. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0401>
- Fatfouta, R., ĩmojtŁ-Piotrowska, M., Piotrowski, J., & KoŁcielniak, M. (2021). Collective narcissism and explicit and implicit collective self-esteem revisited: A preregistered replication and extension. *Journal of Research in Personality*, 95, 104144. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2021.104144>
- Imhoff, R., Zimmer, F., Klein, O., et al. (2022). Conspiracy mentality and political orientation across 26 countries. *Nature Human Behaviour*, 6, 392–403. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01258-7>
- Kruglanski, A. W., Molinaro, E., Ellenberg, G., Di Ciccio, M. (2022). Terrorism and conspiracy theories: A view from the 3N model of radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 47, 101396. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101396>
- Krüppel, J., Yoon, D., Mokros, A. (2023). Clarifying the link between anxiety and conspiracy beliefs: A cross-sectional study on the role of coping with stressors. *Personality and Individual Differences*, 202, 111966. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111966>
- LazareviŁ, L. B., PuriŁ, D., TeovanoviŁ, P., LukiŁ, P., Zupan, Z., KneŹeviŁ, G. (2021). What drives us to be (ir) responsible for our health during the COVID-19 pandemic? The role of personality, thinking styles, and conspiracy mentality. *Personality and Individual Differences*, 176, 110771. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110771>
- Molenda, Z., Marchlewska, M., Rogoza, M. (2023). Nothing hurts like (in-group) love? National narcissism, conspiracy intentions, and non-prosocial managing emotions of others. *Personality and Individual Differences*, 201, 111947. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111947>
- Oettingen, G., Gollwitzer, A., Jung, J., Oken, I. O. (2022). Misplaced certainty in the context of conspiracy theories. *Current Opinion in Psychology*, 46, 101393. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101393>

- Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2010). Unanswered questions: A preliminary investigation of personality and individual difference predictors of 9/11 conspiracist beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24, 749–761. <https://doi.org/10.1002/acp.1583>
- Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Lay, A., Clow, A. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: Examining associations between psychological stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.084>
- Yang, S.-W., Xu, M.-X., Kuang, Y., Ding, Y., Lin, Y.-X., Wang, F., Rao, L.-L., Zheng, R., Li, S. (2023). An agenda setting account for psychological typhoon eye effect 2 on responses to the outbreak of COVID-19 in Wuhan. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(5), 4350.

Поступила в редакцию: 13.06.2024

Поступила после рецензирования: 14.01.2025

Принята к публикации: 01.03.2025

Заявленный вклад авторов

Влада Игоревна Пищик – теоретическая часть исследования, дизайн исследования, описание данных.

Маргарита Игоревна Постникова – сбор материалов по северному региону, анализ данных.

Есения Александровна Черкасова – сбор материалов по южному региону, статистика данных.

Информация об авторах

Влада Игоревна Пищик – доктор психологических наук, профессор кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственной технической университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ID Scopus 24473186900, ID Web of Science O-6154-2015, AuthorID: 183790, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Маргарита Игоревна Постникова – доктор психологических наук, доцент кафедры педагогики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), г. Архангельск, Российская Федерация; SPIN-код: 5944-0316, Researcher ID I-8722-2018, Author ID 37087597100; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Есения Александровна Черкасова – аспирант факультета «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственной технической университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5210-4002>, e-mail: yeseniacherkasova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.